

Добуквенная письменность марийского народа

Олег СЕРГЕЕВ

Марийский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории им. В. М. Васильева, Йошкар-Ола
olsemar@rambler.ru

Письменность у любого народа имеет длительную историю. Полностью восстановить последовательность возникновения и развития письменности в настоящее время, к сожалению, не предоставляется возможным. Как и у других народов, письменность марийского народа начиналась с предметного письма.

1. Для передачи нужной информации в качестве предметного письма марийцы пользовались разными способами. Одним из таких способов был *дым костра (шики)*. На возвышенном месте зажигали огонь, который был виден далеко. Марийцы соседних деревень, увидев огонь (дым), у себя на пригорке также зажигали костер. Так с помощью дыма костра всех марийцев по цепочке извещали о какой-нибудь важной новости.

Своеобразным способом передачи информации служила труба (трубили в трубу). Основным инструментом у марийцев была *тотырет-пуч*.¹ Об этом виде передачи информации – своеобразном «письме» – в устном народном творчестве марийцев осталось множество легенд и преданий. В одной из них, например, *Минин ден Пожарский деке кайы-маш* [Поход к Минину и Пожарскому] марийцы близлежащих окрестностей в трудное время, чтобы собраться вместе трубили в трубу, ср. *Мияш күйтымө кечыште Шурмо йырге ылыше марий-влакын пуч йүкышт шоктыш, манеш. Изии лиймек, Шурмо ангышке Ончепын да Каврийын үжмө марий-влак погынышт* (Тошто марий ой-влак [Марийские легенды и предания] 1972: 178) 'Говорят, что в приглашенный день послышался голос трубы марийцев, живущих в окрестностях

¹ Этот духовой инструмент издавал сильный, громкий звук. Его протяжная мелодия была слышна на несколько десятков верст.

Шурма. Немного погодя, вблизи Шурмы собрались марийцы, определенный Ончепом и Каври'; ср. также: *Марий-влак сӱйыш тарванаш пуч дене пуалтат да погынат улмаш* (там же, с. 184) 'Марийцы, чтобы готовиться к войне, трубили в трубу'. В многотомном словаре марийского языка для словарной статьи *тӱтретпуч* для иллюстрации даётся другое объяснение, например: *Марий-влак тӱтретпуч дене сар уверым огыл, а тыныс пиалым тыланен... мутланеныт* 'Марийцы с помощью сигнальной дуды передавали не вести о войне, а переговаривались, желая мирного счастья' (СМЯ 2002: 213).

Для призыва домой с охоты своих мужей женщины также пользовались этим музыкальным инструментом: *А нунын ватышт кас еда тӱтретпучым пуалтеныт да тыге марийыштым сонар гыч мӱнгӱ ўжыныт* (Тошто марий ой-влак 1972: 151) 'А их жены по вечерам трубили в дудки, таким способом призывали домой своих мужей с охоты'. Трубы служили основным сигнальным средством, так как их звук (эхо) далеко разносился в лесу. По замечанию историков, ими и в мирное время пользовались охотники, бортники, лесорубы и пастухи. Звуковые сигналы, как и при светодымовом способе, могли передаваться по цепочке. Несомненно, как отмечает А. Г. Бахтин, использовались и гонцы. Для подачи звуковых сигналов служили также такие духовые инструменты, как свирель (*шиялтыш*), волынка с пузырьём (*шӱвыр*), глиняные свистульки (*шун шӱшпык*), девичьи трубы (*ўдырвуч*) (Бахтин 2021: 98).

Объединительную функцию между марийцами, живущими в разных отдаленных поселениях, выполнял также *лук со стрелой*, ср. мар. *пикш* 'стрела, лук'; также см. *пикшвӱчӱ* 'тетива (лука)'; *пикшлодак* 'колчан (для стрел)' (МРС 1991: 249); *нӱлӱ* 'костяной наконечник для стрел'; *нӱлӱ шувыш*, *нӱлӱ лодак* 'колчан для наконечника стрел'; *шовыдак* 'колчан для стрел' (там же, с. 209, 413). В рукописном памятнике 2-й пол. XIX века марийского просветителя П. П. Ерусланова (Словарь восточночеремисского языка, р. II, оп. 5, № 3) лексическая единица *пикш* дана в переводе 'стрела', а слово *тетива* на марийский язык дано с семантикой *пикш ёнгеж* (лит. *пикш йонгеж*), тогда как лексема *лук* переведена как *пикш-пу*, где *пикш* 'стрела', *пу* 'дерево'. В эту же словарную статью П. П. Еруслановым добавлено сочетание слов *мари пикш*, которое дано без эквивалентной пары. В переводе на русский язык оно означает 'марийская стрела' или 'марийский лук'. Сохранившийся глоссарий в неопубликованном памятнике заставляет задуматься: возможно у марийцев для связи с сородичами, в особенности для дальней дистанции, была особая стрела? На подобную мысль наводит нас также забытое

слово *пи́ча* ‘стрела с ожерельем комлем для предлинного полета’, ср. также: *пи́чалэм* ‘вставлять перо в комель стрелы’ (р. II, оп. 5, № 3). По описанию археологов, луки у марийцев были сложносоставными распротранённого в Евразии «монгольского типа». Они явились главным оружием марийских охотников и воинов... (Никитин 2009).

О соединительной функции лука со стрелой в устном народном творчестве марийцев также сохранилось немало преданий. Одна из таких легенд гласит: *Одыган кугезына Түкан Шурын изи онжо Штрек дене родым кучен. Нуно икте-весышит дека пүрө йӱаш коштыныт. Ӱжнеже гын Одыган Штрекым икеж декше уналыкеш, тудын оралте ӱмбакише пикишым колта. А Штрекше Одыганым сийлаш шона гын, тудын оралте ӱмбакише пикишым колта. Тыге нуно икте-весыштым уналыкеш ӱжыныт* (Тошто марий ой-влак 1972: 150–151) ‘Наш прадед Одыган держал родственные связи с незначительным вождем Штреком Тюкан Шура. Они ходили пировать друг с другом. Если Одыган хотел позвать в гости Штрека, то он в сторону его строения пускал стрелу. А если Штрек хотел пригласить Одыгана, то он также направлял стрелу в сторону его усадьбы. Таким способом они приглашали друг друга в гости’. Этот вид марийского «письма» широко представлен также в православных переводческих текстах, ср., например: *Варажы Анастасий люман ик Священникъ пикишии возен (сирэн)-да Владимирон лагержы дэке люэн колтэн*, досл. ‘После один священник по имени Анастасий написал на стреле и отправил её в сторону лагеря Владимира’ (Крещение Руси 1884: 20).

Итак, среди марийцев в качестве предметных писем особо выделялись *костер (дым), труба (тӱтретпуч)* и *лук со стрелой*.

2. С давних времен для передачи той или иной информации марийцы пользовались особыми знаками, которые назывались *тамга* (по мар. *пале, тисте, тиште*). Марийское слово *тисте* впервые зафиксировано в XVIII в. в анонимном рукописном *Словаре языка черемисского*, которое переведено на русский язык как ‘клеймо’ (Эрм. собр. № 216). Тамга² – древняя форма письменности, синонимами к этому слову являются: *зна́мёна* или *зна́мение, знамя, знак, мёта, клеймо́*, ср. также *резь, пятно*. *Тисте* была первой попыткой создания письменности. Тамга характеризуется тем, что вместо буквенного письма использовалось кар-

² П. В. Попов использует также сочетание «добуквенное письмо» (Попов 1947: 279–280).

тинное письмо, которое получило свое развитие, главным образом, в отношении обозначения собственности (*родовой знак, знаки собственности, по мар. тукым пале*).

Само же слово *тисте* (*тиште*) – финно-угорского происхождения. В прафинно-угорском языке оно употреблялось для обозначения понятия ‘звезда’. Такое значение это слово имело первоначально и в марийском языке. Но впоследствии оно утратило свое прежнее значение и стало обозначать письменные знаки – *тамги*. В 20–30-х годах XX в. языковеды стали употреблять его в значении ‘буква’, отсюда появилось *тиштер*, означающее понятие ‘алфавит’ (подробнее см. Иванов 2009: 159–160). В этимологическом словаре В. И. Вершинина лексическая единица *тисте* дана в нескольких вариантах, ср. *ти-ште, тѣиштѣ, ти-штѣ, ти-сте, ши-ште* ‘затѣс (как метка); знак собственности; меченый’. Сравните также: *тиштѣши, ти-шташи* ‘помечать знаками собственности’; *тисте* ‘знамя, флаг’ (Вершинин 2018: 520); *тишташи* диал. ‘метить, пометить; делать (сделать) метку, зарубку; клеймить, заклеить; ставить (поставить) клеймо’ (СМЯ 2019: 451).

В *Словаре марийского языка* словарная статья *тамга* представлена с шестью значениями. Для нас представляют интерес 1 и 5-е значения этой лексической единицы. В 1-м значении *тамга* – это ‘тамга, клеймо, метка как знак собственности’, а в 5-м значении *тамга* понимается (дана с пометой *уст.*, т.е. *устаревшее*) как ‘знак письма, шрифт; знак (напр., в виде полуокружности, треугольника или круга, квадрата, ромбика с черточками и т.д.)’ (СМЯ 2002: 33). Слово заимствованное, оно тюркского происхождения. О тюркском происхождении слова высказался ещё в конце XIX века В. П. Троицкий. Он в своем словаре с пометой «Зол.» приводит словарную статью *томга*. Вслед за ней в скобках дает татарскую и чувашскую лексическую единицу *тамга* со значением ‘клеймо’, см.: *томга Зол.*³ (тат. *тамга*, чув. *тамга*) ‘клеймо’. В словаре В. П. Троицкого также зафиксированы слова *тамгаэмдэм* ‘пятнаю’ и *тамгаэмьяш* ‘пятнаться’ (Троицкий 1894: 59), образованные от слова *тамга*. Ценным является лексическая единица, наличествующая в черемисско–русском словаре В. П. Троицкого, *кацѣака* ‘жегало’.

³ *Зол.* – Н. И. Золотницкий (1829–1880) – основоположник отечественного чувашского научного языкознания, автор капитальных научных трудов. Его *Корневой чувашско–русский словарь* был удостоен золотой медали Русского географического общества (<http://nasledie.nbchr.ru/personalii/issledovateli-jazyka/zolotnitskijj-nikolajj-ivanovich/>).

Она дана с пометой *г. чер.* (горно-черемисский. – *О. С.*). Лексема *капцака*, заимствованная В. П. Троицким из неопубликованного двуязычного словаря преподавателя «черемисского» языка Казанской духовной семинарии Ф. Земляничного, фигурирует со значением ‘мѣта, зарубка’ (*Земл.*) (там же, с. 59). В современном горномарийском словаре словарная статья *капцака* включена с семантикой ‘жестянка, жестяная пластинка; бляхи на сбруе’ (СГНМЯ 1981: 48).

Отметим и то, что лексическая единица *тамга* вытеснила из активного употребления древнемарийское слово *тисте*. В современных двуязычных переводных словарях лексема *тисте* или вообще не фигурирует, или стоит за заимствованным словом *тамга*, ср., например: *клеимить (ставить клеймо)* ‘тамгалаш, тамгам пышташ’ (РСМ 2019: 265), *заклеимить (поставить клеймо)* ‘тамгалаш, тамгам пышташ (шындаш)’; ~ *скот* ‘вольыкым тамгалаш’ (там же, с. 181); *клеймо* ‘тамга, тиште’; ~ *на лошади* ‘имне тамга’ (там же, с. 265), *метить I что (ставить метку)* ‘тамгалаш, палым (тамгам, тистым, лодемым) ышташ (пышташ), палемдаш, палдырташ, лодаш, лодаклаш’ (там же, с. 330), *меченый прил.* ‘палемдыме, тамган, палан, тистан, лодеман’ (там же, с. 331). Это же можно сказать и о лексической единице *пале* ‘1) метка; помета, пометка; отметка, заметка; 2) обозначение, знак; 3) отпечаток, след; 4) примета, признак’ (РСМ 1991: 236). Её также вытеснило тюркское слово *тамга*. В словаре В. П. Троицкого лексема *пале* в луговосточном варианте дана в форме *пало*, а горномарийским вариантом выступает *пяле*. Она дана с пометой *г. чер.* (Троицкий 1894: 72), ср. совр. Г *пӓлы* ‘1) метка, пометка, отметка, заметка; 2) обозначение, знак; 3) отпечаток, след; 4) примета, признак’ (СГНМЯ 1981: 116). В неопубликованном *Словаре черемисского языка с российским переводом* (Эрм. собр. № 218) горномарийская лексическая единица *пӓлЕ* (совр. Г *пӓлы*) дана с семантикой ‘знамя’⁴ (Эрм. собр. № 218). В этом же памятнике наличествует словарная статья *значу*, которая переведена на горное наречие марийского языка с значением *пятнамъ*, ср. Г *пӓтма, пӓтна* ‘пятно, метка’ (СГНМЯ 1981: 116). В говорах горного наречия сохранена лексема *пӓтнӓйӓш (-ем)* ‘поставить пятно’.

В. П. Троицкий наряду с марийскими словами в одну словарную статью приводит чувашскую лексическую единицу *палла*. Лексемы даны со значением ‘знак, мета’, совр. чув. *палла* ‘1) различать, узнавать, опознавать; 2) знать, быть знакомым’. От слова *пале* образован глагол *па-*

⁴ Здесь и далее слова даны в оригинальном виде.

лыкташ. Данная лексическая единица зафиксирована в рукописном словаре XIX в. Флавиана Земляницкого, ср. *палыкташ* ‘делать знак, метку’ (№ 1420; также, см. Троицкий 1894: 72). К сожалению, в современных лексикографических произведениях слово с идентичной семантикой не зафиксировано.

Тисте (пале) или *тамги* представляли собой различные знаки наподобие иероглифов. Каждый из них обозначал целое слово или сочетание слов. Эти знаки главным образом сохранились в архивах. Однако, как отмечают специалисты, известны только их изображения, но не значения. Последние исследования марийского историка А. Г. Акшикова показали, что немало *тисте/тамги* сохранилось в старых каменных надгробных памятниках (Акшиков 2022: 124–133). А. Г. Акшиков во время полевых экспедиций по кладбищам п. Горняк, п. Сернур и д. Куприяново Сернурского и с. Юледур Куженерского районов Республики Марий Эл собрал и анализировал 124 памятника. Самый старый датированный памятник относится к 1801 г. Во многих памятниках начерчены тамги (там же, с. 144).

3. Значение тамги марийцы держали в строгой секретности. Это еще в конце XIX века подчеркивал собиратель восточномарийских знамен А. А. Петров. В частности, он отметил: «Собрать рисунки этих знамен – дело не весьма трудное, ...довольно только, по приезду в деревню, попросить для присмотра *приговоры сельских и волостных сходов*, чтобы получить желаемое количество; но *чрезвычайно трудно узнать значение знамени* или, иными словами, определить значение изображаемых знаками предметов, так как черемисы, по свойственной их характеру подозрительности, *ни за что не решаются дать каких-либо объяснений по вопросам* (здесь и далее выделено нами. – О. С.), цель которых для них непонятна, предполагая опасность там, где ей быть не может» (Петров 1893: 38–40), ср. также: «Черемисы деревни Бугалыша (д. Верхний Бугалыш (мар. *Пугальш, Кўшыл Бугальш*) входит в состав Красноуфимского округа Свердловской области, она расположена в 39 км на юго-восток от г. Красноуфимска. – О. С.)⁵ однажды не постеснились даже написать на учителя, занимавшегося по моей просьбе собиранием названий знамен, *жалобу в крестьянское присутствие, с обвинением его в каком-то злом умысле*» (Петров 1893: 38–40).

⁵ http://semantic.uraic.ru/object/objectedit.aspx?object_id=7544&project=1

В своей работе марийский просветитель П. П. Ерусланов, касаясь марийских знамён, писал: «*Тамгой* отмечаются решительно все предметы, как движимого, так и недвижимого имущества. Значение родового знака собственности имеет, главным образом, *тамга*, выжигаемая на лошадях особыми железными жигалами. На предметах хозяйства, на пряслах, участках земли *тамга* вырезывается ножом или топором; *тамга же употребляется вместо подписи и печати на всех письменных документах*. За подмену, подделку и произвольное изменение тамги *виновный судом стариков* наказывался, как за подлог» (Ерусланов 1894: 7). Как видим, подписывая различного рода документы (например сделки, акты), марийцы, как и другие народы Урало-Поволжья, вместо подписи использовали тамгу (см. например Камитова 2017: 30; 2018: 49–60). *Должник и заимодавец вырезанными на палках или дощечках тамгами обменивались между собой*. Они имели такую же силу, как письменные обязательства. Палочки употреблялись для долговых обязательств *не свыше 10 рублей*. Для сумм свыше этой суммы заключались письменные акты на русском языке (подробнее см. Никольский 1920: 108). В использовании тамги было строго, соблюдался закон. В связи с этим этнограф Т. А. Крюкова отметила: «Уничтожение знаков собственности бортовых знаков, их стесывание или замена *считалось по обычному праву марийцев тяжёлым преступлением и жестоко каралось*» (см. Крюкова 1956: 40–41). Этот закон существовал с древних времён. Такое же письмо «с маленькими дощечками» и строгий закон на него существовали и в «собственном государстве татар» (Из глубины столетий 2004: 144–145). П. П. Еруслановым в разных марийских деревнях собрано около 200 знамён (Ерусланов 1894: 7).

Высокую оценку марийским *тисте* дал «попечитель православной миссионерской для черемис школы» А. А. Петров. Он видел в тамгах «зачатки образного письма», сравнивал их с живописью, ставил наравне с «дворянскими гербами». В связи с этим А. А. Петров писал: «По знамёнам позволительно судить *о степени наблюдательности черемис* и умении их изображать виденное ими – о зачатках *образного письма, живописи*, напоминающей детскую, и того, что в Европе называется *гербами*. Достаточно придумать... черемисским знамёнам более правильную форму, и мы получим знаки, имеющие *удивительное сходство с дворянскими гербами*. За объяснением происхождения гербов не требуется совершать путешествие «к варягам, литве» и проч.» (Петров 1893: 38–40); ср. *герб* «эмблема государства, города, *сословия, рода*, изображаемая на флагах, монетах, печатях, государственных и других

официальных документах? (Ожегов 2001: 128). А. А. Петров приводит 21 знамение. Каждая тамга имеет по несколько графических изображений. Самое большое количество вариантов (14) имеет тамга под названием *скоба, ворота или сошникъ* (по мар. *атлош* ? ‘капка, шога курт-вондо’). По 12 вариантов имеют знамёна *вилы съ поперечникомъ* ‘торыш-шаник’, *лапа* ‘чывэ-ёл, комбо чапа’. Тамга *серп* ‘сорла’ состоит из пяти рисунков, а для знамени *грабли* ‘шорвондо’, *стул* ‘пюкэн’, *молоток* ‘чыгыть’, *цепь* ‘сапондо’ закреплены по четыре рисунка. А. А. Петров отмечает, что «в числе собранных... знамен только одно взято из мира животных, растительный мир представителей не дал ни одного образца; все остальные... заимствованы из домашней обстановки» (Петров 1893: 38–40).

А. А. Петров кроме тамги выделяет еще *тавр*. Относительно этого он писал: «Если не ошибочны сведения, доставленные мне из одной черемисской деревни, то я в праве предположить существование у черемис, кроме родовых знамён, еще и общинных, употребляемых для метки, напр., скота, жеребят при отдаче их пастуху. К этому разряду знамён причисляю все *тавры*» (Петров 1893: 38–40), ср. *тавро́*, мн. *та́вра*, *тавр*, *таврам*. ‘1) клеймо, выжигаемое на теле животного; 2) орудие для выжигания такого клейма’ (Ожегов 2001: 786). В русско-марийских словарях словарная единица *тавро́* толкуется как *тамга*⁶ (вольыклан ыштыме пале) (РМС 1966: 751) и *тавро* (клеймо, выжигаемое на коже) – *тамга* (РМС 2019: 394). А. А. Петровым в качестве иллюстрации приведено 18 тавр. Тамги (*кид-тыштö*, совр. *кид тиште*) и тавра (*ёл-тыштö*, совр. *йол тиште*) собраны у представителей красноуфимского и кунгурского говоров восточного наречия. В большинстве случаев были охвачены такие населенные пункты, как Артемейкова (мар. *Утаул* или *Утавил*), Марийские Карши (мар. *Марий Карши*) современного Ачитского района Свердловской области; Афанасково (мар. *Опанасул*), Верхний Бардым (мар. *Күшыл Пардым*), Малые Карзи (мар. *Иванаул*, *Йыванаул*), Курки (мар. *Күркеде*), Малая Тавра (мар. *Изи*

⁶ На наш взгляд, правильный перевод – *йол тиште*. Раскалённую до красна родовую метку хозяин ставил на бёдра своих домашних животных. Иногда *тавро* ставили на рогах при клеймении животных. У В. М. Васильева *тамга* с пометой (ү. м.) [*үпö марий* – досл. уфимские марийцы, восточное наречие] – *имнэ эрдэши йомдёмашын ёштёмэ палэ*, – *тавро*, клеймо, выжигаемое на ляшке лошадей (Ўпёмарий 1926: 201), *тиштэ* – печать, ср. *тистёмлэм* – печатаю. *Книгам тистёмлат* (там же, с. 204). *А тиштэ* – соединение, также район. *Шуко йал дэнэ погёнэн кумал илёмём тиштэ маныт* (там же, с. 205).

Тавра, Акдря, Ака Тавра) современного Артинского района Свердловской области; Большая Тавра (мар. *Тябра, Кузу Тавра*), Сарсы-Вторые (мар. *Вудан Сарсаде, Марий Сарсаде, Ёлыл Сарсаде*), Марийский Усть-Маш (мар. *Очмаи, Марий Усть-Маи*) современного Красноуфимского района Свердловской области и Тялково (мар. *Тялково*) современного Октябрьского района Пермского края.

4. В настоящее время среди марийского населения тамги не используются, они почти забыты. Отдельные знамёна представлены в разных российских архивах и хранилищах, в некоторых печатных изданиях. Причиной их «исчезновения», в первую очередь, конечно, считается политика христианизации нерусских народов. Внедрение новой веры в народные массы способствовало развитию письменности, распространению грамотности. Главную причину исчезновения тамги еще в конце XIX века выявил просветитель А. А. Петров, в частности, он писал: «Усиливающаяся год от году *грамотность среди черемис быстро вытесняет знамёна*, так что с достоверностью можно предсказать даже время, когда они отойдут в область воспоминаний» (Петров 1893: 38–40).

Нельзя не отметить и то, что в первую пору при составлении различных документов марийцы прибегали к помощи писцов/толмачей соседних народов. Этими соседями были татары и русские. Толмачи могли быть и марийского происхождения (см. Никольский 1920: 71).

В конце XIX в. наравне с А. А. Петровым и П. П. Еруслановым, родовые знаки собственности изучал вятский исследователь П. М. Сорокин (1859–1895). Его заинтересовали удмуртские *пусы* (тамги). Он активно участвовал в их сборе. Удмуртские *подэм пусы*, по мнению П. М. Сорокина, «составляются предпочтительно из прямых линий, и между ними легко различать два разряда: одни состоят из простых, случайных сочетаний линий, другие – идеограммы... очень употребительный знак – крест или аналогичный с ним не идеограммы уже потому, что встречаются у инородцев-язычников и имеют особое название (повотски – *кечат*)...» (см. Сорокин 2018: 30–48). В этой же работе статистик Вятского губернского земства П. М. Сорокин приводит простые и изобразительные знаки. Из последних, например, приводятся такие знаки, как *саник* ‘вилы’, *узеньга* ‘стремя’, *курэг кук* ‘куриная нога’, *кык саник* ‘двое вил, двойные вилы’, *скопа, скоба* ‘дверная скоба’, *маджес* ‘грабли’, *пази* ‘лестница’ и некоторые другие (там же, с. 35–36). Соб-

ранные П. М. Сорокиным знаки-тамги почти не отличаются от марийских *тиште*.

5. Марийцы, как и другие народы Урало-Поволжья, были знакомы с феноменом письма еще до появления собственной письменности на родном языке. Представления марийцев о письме и письменности⁷ широко отражены в устном народном творчестве. Так, в сборник *Тошто марий ой-влак* включено несколько легенд, где в тексте наличествуют слова, связанные с письменностью марийского народа, ср. книжка 'книга, книжка', *пыстыл* 'перо', *возаш* 'писать', *сераш* 'писать'. Проиллюстрируем это на примере. В легенде *Суксо ден ия* [Ангел и чёрт] читаем: *От инане дык, – алгаштара ияже, – мый тылат ончыктем книжкам. Мыйын тушто чыла серыме уло...* (Тошто марий ой-влак 1972: 74) 'Если не веришь, – обольщает чёрт, – я тебе книжку покажу. У меня там всё написано'. Для иллюстрации приведем еще одно предложение из другой легенды: «*Ўстел покшелне (Пиямбар луман марий удырамаш. – О. С.) пыстыл дене ала-мом возен шинчен*» (там же, с. 135) '(Марийская женщина по имени Пиямбар. – О. С.) сидела в середине стола и что-то писала пером'. Действительно, предания – устные рассказы – передающиеся из поколения в поколение, донесли до наших дней представление марийцев о письме и письменности.

6. Любопытным является и тот факт, что в большинстве марийских легенд, например, в легендах родственных, так и не родственных народов (см. Камитова 2017: 23–26, также Ившин 2010: 18), воспроизводится единый сюжет исчезновения, уничтожения или утраты книги, грамотности. В одной из легенд (*Марла книга*) [Марийская книга] говорится о том, что корова, съев месиво, съела и книжку. Книжка превратилась в нутре коровы в книжку (сычуг), ср. *сычуг* – часть желудка у жвачных животных. Пройдя некоторое время, мариец заколол корову и в нутре нее увидел сычуг. В нем он узнал свою книгу. Однако читать её он не смог и положил в котел варить. Так в нутре скотины появился сычуг (книжка). Таким образом марийцы на долгое время потеряли свою книгу (Тошто марий ой-влак 1972: 87). Другие легенды, например, *Кузе марий шке эрыкшым йомдарен* [Как мариец потерял свою свободу], говорят, что, потеряв свою свободу, они потеряли и книгу. «Марийцы сначала были под игом татарского хана, потом под началом русского царя.

⁷ Я. В. Чеснов также использует сочетание «изначальное знание» (Чеснов 1990: 170).

Как отмечается в легенде, мари́йцам особенно тяжело было жить под гнётом татарского хана. При нем убивали мастеров рукоделия, музыкантов, певцов, вышивальщиц или забрали их в плен» (там же, с. 124–125). Среди мари́йского населения сохранились и такие легенды, где мари́ец случайно уронил святую книгу (по мар. *Шнуй книга*) в костер. Приведем отрывок из такой легенды: *Ожно Ош Поро Куго Юмо Шорыкйол пайрем годым Шкенжын калыкше-влаклан янда Кайлас курык-вуйышто Шнуй книгам пӧлеклен. Рушлан – Библийым, суаслан – Кораным, мари́йлан – Шнуй ушонам.*⁸ *Руш книгажым сумкашкыже пыштен, суас – кӱсеныш, мари́й – помышыш. Тӱнӧ чатлама йӱшӧ шоген... тулым ылыжтеныт. Шокишо сайрак ырыктыже манын, ...мари́ят, по-та уштыжым руден, онжым почын колта. Ушонаже тунамак тулыш камвозеш. Мари́йна Юмымут почеш тулыш керылтеш. Тул йымач... Юмойпогыжым удыркален луктеш вет... (Мари́й Эл 2020, 2 ноябрь), досл.: ‘В старину во время Рождества Белый Добрый Большой Бог Своим людям на вершине стеклянной горы Кайлас подарил книгу. Русскому человеку – Библию, татарину – Коран, мари́йцу – Священную ушона (книгу). Русский положил свою книгу в сумку, татарин – в карман, мари́ец – за пазуху. На улице стоял трескучий мороз... зажгли костер. Чтобы лучше согреться, мари́ец развязал кушак и широко приоткрыл грудь. В это время ушона упала в костер. Мари́ец за книгой бросается в огонь. И все-таки он смог спасти её...’. Далее в легенде говорится: ...калыкна **книгажым** кермыч дене ышта улмаш. ...Тулеш йӱлышӧ **Юмымутышым** мӧнгӧ кондат (мари́й. – О. С.), ватыжын шудалмекыже, вичаш шылта. Йӱлышӧ тамле пушым шижын, вичасе уш-*

⁸ Лексические единицы «*Шнуй ушона* (см. *уша*: *уша она* ‘доска, на которой катают тесто’ (МРС 1991: 369) – происходит сужение значения слова), *Юмойпого*, *Ушона*, *Юмымут*, *Юмомут книга*, *Кумыжмут*», ср. также: *Юмой*, *Юмысем кумыжмут* использованы в значении ‘книга, письменность’. Эта же легенда гласит, что мари́йцы писали на бересте, ср. *Куэ кумыжешат* воза (мари́й калык. – О. С.) *улмаш...* ‘(Мари́йцы. – О. С.) писали и на бересте...’; см. также *шерева* ‘палка с условными знаками в виде зарубок для проведения жеребьёвки, за которую по очереди держатся спорщики’, *шерева кагаз* ‘извещение (приглашение) о предстоящем общем молении’ (СМЯ 2004: 106–107). На палках или на узких досках вырезали определенные знаки, и эти сообщения передавались по селениям. Значение знака чужие не понимали. В качестве материала в основном использовалась молодая липа (мар. *нымыште*). Как указывает Н.В. Никольский, «для долговых отметок существовали *бирки* – липовые или вообще деревянные бруски, на которых крестами вырезывалась соответствующая сумма» (Никольский 1920: 71).

кал *Ушонам* нелын, манеш. Кызытат тыгай кутырымым колаш лиеш: Марийын *Кумыжмутшо* уйкалын шүддö пачаш шолыштыжсо улеш... (там же, с. 10), досл.: '...наш народ (марийцы. – О. С.) свою книгу делал из кирпича. ...Свою обгоревшую книгу привез домой (мариец, мужчина. – О. С.), за это его жена поругала. После этой ругани мариец спрятал книгу в хлев. Говорят, что, почувствовав вкусно пахнущий горелый запах, корова, находящаяся в хлеву, проглотила книгу. И в настоящее время можно слышать фразу: «У марийцев книга находится в сычуге коровы»'.

Кроме «книги, сделанной из кирпича», у восточных марийцев бытует предание о якобы вытканной на холсте священной книге, которую также съела корова (см., например Иликаев 2012: 21). Легенда о вытканной на холсте книге (в данном случае – письмо на лоскутке холста. – О. С.) сохранилась и у луговых мари. Например, в рассказе *Шой патыр Пижанью Пивик князьлан полша* [Шой богатырь Пижанью помогает князю Пивику] читаем: *Патырнан кочкашыже монь пытен гын але тудлан сонар гыч вашке пörтылшашыж нерген увертараш монь кўлын гын, тудо йонез кылжым чот гына шупшылын, пикшым мōнгö велкыже колтен. Пикиш мучаштыже – кнага, тўрлен возымо⁹ вынер ластык. Пикшет вигак тудын пакчашкыже але пörтончыкыжсо толын возын. Тунам кажныжат тогдаен, мо кўлеш патыр еглан. А вет шукыж годым тудо суртшо деч шүддö менге тораште лиеден* (Тошто марий ой-влак 1972: 135–136), досл.: 'Если у богатыря закончился запас пищи, или ему надо был срочно известить, что приедет с охоты, он крепко натянул струны лука и выстрелил в сторону дома. На конце стрелы – книга, вытканной из холста лоскуток. Стрела сразу приземлилась в его огороде или рядом в сенях. Тогда все понимали, что надо человеку-богатырю. А ведь часто он бывал вдалеке от дома на расстоянии до ста километров'. И здесь для передачи важного сообщения используется лук со стрелой. «Книга» была отправлена с помощью этого охотничьего инструмента. Этнограф Я.В. Чеснов подобные произведения устного народного творчества называет «мифами о съеденной письменности» (Чеснов 1990: 170).

⁹ Слово *возаш* в значении *вышивать, вышить*; глагол *изображать (изобразить), украшать (украсить)* сохранился в диалектах, ср. *возедаш* II-ем диал. *многокр.* 'вышивать'. *Тўрым возеда*. Ö. Беке. 'Вышивает (узоры)' (СМЯ 2019: 67, см. также Беке 1997: 168–169).

7. Марийский народ и его язык были широко известны многим европейским народам. Исследователи и путешественники, побывавшие среди марийского населения, писали о быте, этнографии народа мари в своих полевых дневниках. Впоследствии эти уникальные записи были включены в их произведения. Многие изданные памятники выходили на иностранных языках. Таких шедевров, описывающих жизнь народа мари, было очень много. Об этом среди марийского народа сохранилась легенда. В одном из произведений устного творчества, например, в *Кузе Акпатыр*¹⁰ *руш кугыжалан полиен* [Как Акпатыр помог русскому царю] говорится, что «Казанский хан клал под мечеть очень много книг. Среди них оказалось немало книг и о марийском народе. Они были написаны на татарском языке,¹¹ читать их было очень трудно. Даже грамотные русские люди не могли их читать. Если бы они умели читать, то древняя история марийцев давно была бы известна», ср. марийский вариант: ...*Озан кугыжа тиде мечеть (татар мечет. – О. С.) йымалан пеш шуко книгаг оптен улмаи. Тушто марий калык нергенат ятыр книга лийын. Татар книгаг лудаи пеш неле. Эсогыл руш **кнагаче-влакат** нуным лудын огыт керт. Нуно кеч татарла лудын моштат ыле гынат, марий калыкын тошто ылыш корныжо шукертак раи лиеи ыле* (Тошто марий ой-влак 1972: 172–174).

Впервые «миф о съеденной письменности» был записан в 30-х гг. XVIII в. участником Великой Северной экспедиции историком Г. Ф. Миллером. Затронув тему «язык, художество и наука, черемис, чувашей и вотяков», он отмечал: «Въ прочемъ всѣ помянутые народы пребываютъ в крайней слѣпотѣ своего невѣжества. У нихъ нѣтъ ни писемъ, ни книгъ; и ежели кто о томъ ихъ спросить, то в шуткахъ говорятъ, что книги у нихъ корова поѣла. Стралембергъ (Ф. И. Страленберг. – О. С.), принимая сію пословицу якобы за правду, пишетъ, что есть у нихъ о томъ повѣсть: но какъ я спрашивалъ ихъ о томъ в разные времена не однократно, почитаютъ ли они то за правду? то получилъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что у нихъ хотя такая пословица и есть, токмо она употребляется в шуткахъ» (Миллер 1791: 29–30). Действительно, Г. Ф. Миллер прав, утверждая, что марийскую национальную книгу корова съела, имеются у всех трёх описываемых народов. Легенда такого же содержа-

¹⁰ Легенда о марийском герое *Акпатыре* относится к XVI столетию. Она связана с завоеванием Ивана Грозного г. Казани.

¹¹ В данном случае речь идет не только о произведениях на татарском языке, но и о книгах, изданных на иностранных языках, в частности, на арабском языке.

ния включена и в сборник *Тошто марий ой-влак*. В рассказе *Кузе марий ишке эрыкшым йомдарен* [Как мариец потерял свою свободу] (с. 124–125) говорится: Шонго-влак, *марла кнагам ушкал кочкын*, маныт. Но тиде *мыскара гына*. Марий-влак кагазеш возен огытыл: тунам кагазшат тыгай лийын огыл. *Вынереш возеныт марий-влак...* (с. 124), досл. ‘Старики говорят, что марийскую книгу корова съела. Но это только шутка. Марийцы не писали на бумаге, тогда и не было такой бумаги. Марийцы писали на холсте...’. Следует отметить, что мифологический сюжет о корове, съевшей национальную книгу, распространен почти по всему Евразийскому континенту (см. Хрестоматия 2001: 134).

О том, что у марийцев нет «письменности» впервые отметили иностранные деятели прошлых веков. Например, в 1-й половине XVII века во время поездки в Персию немецкий ученый и путешественник Адам Олеарий (Эльшлегер) (ок. 1599–1671), касаясь этой темы, в своем знаменитом сочинении *Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно* (впервые оно было опубликовано на немецком языке в 1647 г.) отмечал: «У них нет ни письмен, ни попов, ни церквей. Их язык также своеобразен и имеет мало сходства с обыкновенными татарским или турецким¹²...» (цит. по работе: Хрестоматия 2001: 81–82). Аналогичное высказывание встречается в письмах известного шведского слависта и востоковеда, дипломата И. Г. Спарвенфельда, адресованных немецкому энциклопедисту Г. В. Лейбницу. Эпистолярные тексты относятся к концу XVII века (например, одно письмо написано 11 января 1698 года). В этом письме И. Г. Спарвенфельд писал: «...черемисы, черкесы, башкиры имели свои языки,¹³ но они также владеют русским языком». Он подчеркивал, что черемисы, «как и мордвины, не имеют письменности», ср. также высказывание из письма И. Г. Спарвенфельда: «...черемисы ...обладают собственным языком» (Герье 1871: 42; Wessel 2003/2004: 91). Отметим, что русский язык был распространен, главным образом, среди той части мари, которая жила среди русских. По наблюдениям Адама Олеария, «живущие в этих местах между русскими» мари и говорят обыкновенно по-русски... (цит. по Никольский 1920: 71–72).

В панегирическую брошюру с длинным названием *Жертва всерадостных чувствований его императорскому величеству...* (Москва,

¹² Составители этой книги под сочетанием «их язык» подразумевают чувашский язык (Хрестоматия 2001: 84–85).

¹³ Не исключено, что речь идет о марийских «книгах».

1801) включен текст под названием *Кугу кугужа* [Великий государь]. Сборник готовился на рубеже конца XVIII – начала XIX вв. и издан «В университетской типографии, у Христофора Клаудия». Речь черемисская *Кугу кугыжа* помещена на 31–32-й страницах (подробнее см. Сергеев 2022: 191–206, также: Феоктистов 1976: 64). Текст начинается с предложения «Мемнанъ яльеште уке волгыдо, кнга¹⁴ шинзыше уке...» (ср. совр. мар. *мемнан ялыште уке волгыдо, кнга шинчыше уке*), досл.: ‘В нашей деревне нет света, нет грамотных (т.е. людей, которые умели писать и читать)’. На наш взгляд, сочетания *волгыдо уке, кнга (книга) шинчыше уке* связаны с такими понятиями, как ‘безграмотность, безграмотный’.

На отсутствие письменности у мари указывали и отечественные исследователи. Одним из них был епископ Нижегородский и Алатырский Д. Дамаскин (Семенов-Руднев, 1737–1795). В своем «Предуведомлении», включенном в рукописный памятник *Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис...* и посвященном историко-этнографическому описанию народов Поволжья он писал: «...народы, в Нижегородской епархии обитающие, не имеют собственных своих письмян или букв, то и слова их в сем словаре писаны российскими буквами» (Эрм. собр. № 223, л. 2), ср. также его выражение: *за неимением письмян или букв нет у них (марийцев. – О. С.) ни письменных, ни печатных дел* (там же, л. 5). Подобные сообщения имеются и в рукописных словниках 2-й половины XVIII века Егора Попова и Никиты Овчинникова (ф. 94, оп. 1, д. 109; ф. 94, оп. 1, д. 113), подготовленных для сравнительного словаря П. С. Палласа. Заголовок такого же содержания имеет рукописный словарь 250-летней давности, хранящийся в Центральном государственном архиве Кировской области. Он называется: «Переводъ учиненный въ Вятскомъ наместническомъ правлении Черемисскаго разговора 286-ти словъ. По неимению у нихъ никакихъ буквъ написано российскими буквами» (ф. 583, оп. 2, д. 1287, л. 101–106). Словник подготовлен также для сравнительного словаря всех языков и наречий П. С. Палласа. При переводе предлогов русского языка *подъ, надъ* (они даны под номерами 250 и 251) из этого памятника на марийский язык толмач писал: «сихъ предлоговъ по неимению у нихъ никакихъ буквъ, на ихъ языке нетъ».

¹⁴ Слово *кнга* используется в значении ‘грамота; умение читать и писать’, ср. также *кнгаче* ‘грамотный; умеющий читать и писать’.

8. Несмотря на эти высказывания и упоминания можно сказать, что мари́йцы имели хорошее представление о *письме, письменности, книге*. В рукописных и печатных работах присутствует множество лексических единиц, которые связаны с такими лексико-семантическими сетками, как просвещение и образование, слов служащих «для обозначения процессов чтения, письма и обучения, письменных принадлежностей, продуктов и результатов писательской, просветительской и фискальной деятельности, нередко нуждающихся в письменной форме выражения, а также самих людей, занятых в вышеперечисленных сферах деятельности». Для иллюстрации приведем некоторые слова и сочетания из памятников мари́йского языка XVIII века: *киняга юктьюмашь* ‘чтение’, *туякъ* ‘чтец’, *серемашь* ‘письмо, писание’, *кагазе* ‘бумага’ (Сочинения 1775); *возомашь* ‘запись’, *кагаза* ‘бумага’, *серемо* ‘письмо’, *тиякъ* ‘писарь’, *тунемше* ‘учение’, *туныктемь* ‘учу’, *тунуктуше* ‘учитель’, *возомашь* ‘запись’, *тунемашлыкь* ‘учение’ (Эрм. собр. № 216); *кагазе* ‘бумага’, *тиякъ* ‘писарь’, *сирмашь* ‘письмо’ (Эрм. собр. № 218); *кинягамь юктемь* ‘читаю книгу’, *лудамь* ‘читаю’, *лудамь* ‘щитаю’ (ф. 2013, оп. 602-а, д. 186, л. 363; л. 370); *кагазамь наламь* ‘купим бумаги’, *околань уста* ‘искусен в учебе’ (ср. В. *окаш* ‘читать’), *тыякъ* ‘школа’, *мин серемь* ‘станем писать’, *серемь* ‘пишу’, *серинь голтемь* ‘восписываю’, *серемь* ‘переписываю’ (ф. 21, оп. 5, д. 149, л. 431; л. 443; л. 444; л. 451); *писма* ‘буква, письмо, письмецо, цыдулька’, *сереме пистыль* ‘пищее перо’, *серымашь* ‘писание, описание’, *серень луктамь* ‘выписываю’, *сереше* ‘писарь, писец’, *тыякъ* ‘школа’, *возомо кнага* или *киняга* ‘записная книга, книжка’, *серемь* ‘пишу, подписываю, списываю’, *печатлемь* ‘печатаю’, *печеть* ‘печать’ (Эрм. собр. № 197/1). Подобную тематическую группу слов обнаруживаем и в других памятниках письменности финно-угорских языков (см. например Феоктистов 1971; Кельмаков 2008: 15–17; Камитова 2017: 38–39).

В памятники 250-летней давности включено большое количество слов, связанных с устным народным творчеством. Это явление можно назвать проявлением начатков фольклористики, ср. *тушто* ‘загадка’, *йомакъ* ‘баснь, прибаутка’ (Сочинения 1775: 56); *йомакъх*, *йомакъ*, *ямакъ* ‘сказка’ (ф. 21, оп. 5, д. 149); *йомакъ* ‘баснь, притча’, *тушто* ‘закоулка, загадка’ (Эрм. собр. № 197/1); *туштемь* ‘загадываю’, *шоязе* ‘сказочник’, *шоаякъ* ‘сказка’ (Эрм. собр. № 216); *тушто* ‘закоулка’ (Эрм. собр. № 218).

Наиболее значимым словом, связанным с древней мари́йской письменностью, является словарная единица *тамга* ‘клеймо’, зафиксированная в рукописном памятнике Г. Ф. Миллера в 30-х гг. XVIII века (л.

446). Оно с этой же семантикой зафиксировано в неопубликованном словаре 2-й пол. XIX столетия Алексея Канцеровского: *тамга* ‘клеймо’ (р. III, оп. 1, № 213, л. 134), ср. мар. *тусте, тиште* ‘тамга’. В неопубликованном лексикографическом труде 2-й половины XVIII столетия В. Крекнина и И. Платунова синонимом лексемы *тамга* приведено слово *пале*. Оно дано в пяти значениях: ‘пятно, знак, примета, точка, знамя’, ср. также производное от него *палэмдымашь* ‘прознаменование’ и словосочетание *палэм пиштемь* ‘знак кладу’ (Эрм. собр. № 197/I). Выражение *палемдемь пелтыме кюртнюдене* ‘пятнаю раскаленным железом’ (Эрм. собр. № 197/I, также см. Сергеев 2020: 192) связано также с древней письменностью мари *тавром*. Подобные слова и сочетания могут дать определенные сведения о начатках письменности мари до появления развитой письменности.

9. Для исторической лексикологии наиболее ценным являются слова *юктюмашь, юкташь*, ср. *княга юктюмашь* ‘чтение’, *юктуше* ‘читатель’ (Эрм. собр. № 197/I, л. 32), *княгамь юктемь* ‘читаю книгу’ (ф. 2013, оп. 602-а, д. 186, л. 363) (лит. *йўктымаш, йўкташ, книгам йўктем*; корень слова – *йўк* ‘голос, звук’), ср. также *юклаш* ‘молиться’: *юмум юклуше* ‘богомольный’ (ф. 21, оп. 5, д. 149, л. 442). Следует сказать, что в настоящее время эти лексемы входят в зону редких и забытых слов. В рукописном горномарийском *Черемисско–русском словаре*, составленного в 1887 году И. Моляровым зафиксировано аналогичное приведенному выше слову, но с другим значением: *юкта* ‘гласит, кличет’ (Моляров, л. 16). С пометой *устар.* (устаревшее) лексема присутствует в *Словаре горного наречия марийского языка*, ср. *юкташ* ‘кликать птиц (животных)’ (СГНМЯ 1981: 230). В сборнике марийских легенд и преданий словарная статья *юкташ* трактуется как *кычкырлаш* ‘покрикивать, кричать наперебой’ (Тошто марий ой-влак 1972: 212). В дополнительном томе *Словаря марийского языка* с пометой *диал.* зафиксирована лексема *юкталаш*. Она имеет следующую семантику: ‘позвать, кликнуть, крикнуть’. В качестве иллюстративного материала приведены словосочетания: *пийым юкталаш* ‘позвать собаку’; *чывым юкталам, чыве-шамыч куржын толыт* ‘позову кур, курицы прибегут’, синонимом марийскому слову приведена лексическая единица *кычкыраш* (СМЯ 2018: 551). Не исключено, что вместо современного слова *лудаш* ‘читать’ у мари могла присутствовать лексема *йўктымаш, йўкташ*. Как и в удмуртском языке, данное слово первоначально использовалось для выражения издаваемых птицами звуков (Камитова 2017: 36). По мне-

нию Т. Г. Владыкиной, «умение хорошо и складно говорить вообще воспринималось как птичье пение... В дальнейшем это понятие было перенесено на процесс чтения, причем чтения церковных книг, когда слова произносились нараспев, особым речитативом...» (Владыкина 2014: 31). С лексемой *йўкташ* тесно связано слово *йўктўч* (в ранних памятниках – *юктючь*) ‘чтец молитв’, которое также вышло из активного словарного фонда (о нем подробнее см. Сергеев 2020: 60–64). В рукописном словнике Г. Ф. Миллера зафиксировано словосочетание *юмум юклуше* (лит. *юмым йўкльшю*) ‘богомольный’ и лексема *юклаш* (лит. *йўк-лаш*) ‘молиться’ (ф. 21, оп. 5, д. 149, л. 442). Таким образом одним термином обозначается *чтение, чтение молитв, моление*. Постепенно для процесса чтения стало употребляться слово *лудаш* ‘читать’. Таким образом, в слове *лудаш* соединились два значения: считать и читать. Это также зафиксировано в рукописном памятнике XVIII в., ср. *лудамь* ‘читаю’ (ф. 2013, оп. 602-а, д. 186, л. 363), *лудамь* ‘читаю’ (там же, л. 370).

10. С возникновением письменности в фольклоре марийского народа появляются загадки, связанные с письмом. Например: *Ош пасуэш шем шурным ўдем (Возымаш)* – На белые поля сею черные семена (Письмо).¹⁵ *Ош анашем шемшыдагым ўдем (Возымаш)* – На белую грядку сею гречиху (Письмо). Много загадок сочинено о книге, бумаге, ручке: *Пушенге огыл – лышташан, Тувыр огыл – ургымо, айдеме огыл – тунькта (Книга)* – Не дерево, а с листочками, не рубашка, а шита, не человек, а учит (Книга). *Ош пасу, шем пырче, кő ўда, тудак пога (Книга)* – Белое поле, черное семя, кто его сеет, тот понимает (Книга). *Мландыже ошо, кайыкше шеме улыт (Книга)* – Поле белое, а птички черные (Книга). *Чондымо чонаным тунькта (Книга)* – Неживой живого учит (Книга). *Вўдыш чыкет – кола, товар тош дене перет – ок коло (Кагаз)* – О воду расшибешь, а об обух не разобьешь (Бумага). *Вуйжо кўртньō, капше ну (Пероан ручка)* – Голова железная, тело деревянное (Ручка с пером). *Чондымо – воза (Перо)* – Не живой, а пишет (Перо).

Зарождение современной марийской (буквенной) письменности связано с концом XVII столетия. В 1697 году впервые были фиксированы марийские слова на бумагу. Автором является финский дипломат, исследователь Генрих Бреннер. В основе письма лежит латинская графическая система. В марийском письме латиница господствовала вплоть до 30-х гг. XVIII века.

¹⁵ Иллюстративный материал заимствован из книги А. Е. Китикова (2006).

Сокращения

В. – восточное наречие марийского языка; Г. – горномарийский; г. чер. – горно-черемисский; д. – дело; досл. – дословно; ед. хр. – единица хранения; л. – лист; мар. – марийский язык; оп. – описание; см. – смотри; совр. – современный; ср. – сравни; тат. – татарский язык; устар. – устаревшее слово; ф. – фонд; чув. – чувашский язык; Эрм. собр. – Эрмитажное собрание.

Литература

- АКШИКОВ, А. Г. 2022: Каменные надгробные памятники марийцев. Финно-угроведение 63: 124–133.
- БАХТИН, А. Г. – СОКОЛОВ, А. В. 2021: Военная история марийского народа. Издательский дом «Марийское книжное издательство», Йошкар-Ола.
- Библий, Коран да марийын Кумыжмутшо (ЮМОМУТ книгаже, ШНУЙ ушогаже) нерген. Марий Эл. 2020. 2 октябрь.
- ВЕРШИНIN, В. И. 2018: Происхождение слов марийского языка (этимологический словарь) в двух томах. II том. Н – Я. Йошкар-Ола.
- ВЛАДЫКИНА, Т. Г. 2014: «Неочевидные очевидности» фольклорной коллекции Г. Е. Верещагина в современной исследовательской практике. In: Ванюшев, В. М. (ред.), Г. Е. Верещагин, традиционная культура и просветительство народов Урало-Поволжья. Удмуртский институт истории, языка и литературы УрО РАН, Ижевск. 27–37.
- ГЕРЬЕ, В. 1871: Отношения Лейбница к России и Петру Великому. По неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. Т. II. Лейбниц и его век. Печатня В. И. Головина, Санкт-Петербург.
- ЕРУСЛАНОВ, П. 1894: Очерк быта и преданий восточных черемис. Известия Оренбургского отдела Императорского Русского Географического общества. Вып. 4. 1894 г. Типо-Литография Губернского Правления, Оренбург. 1–8.
- ИВАНОВ, И. Г. 2009: Йылме пеледышым пого. Йылмызын шонкалымашыже. МУП «Сельские вести», Йошкар-Ола.
- ИВШИН, Л. М. 2010: Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – в первой половине XIX века. УрО РАН, Екатеринбург – Ижевск.
- ИЛИКАЕВ, А. С. 2012: Мифы народов Башкирии. Вагант, Уфа.
- КАМИТОВА, А. В. 2017: Переводная литература христианского просвещения на удмуртском языке XIX – начала XX в.: история развития, жанровое своеобразие и переводческие стратегии. УИИЯЛ УрО РАН. Издательство «Шелест», Ижевск.
- КАМИТОВА, А. В. 2018: Книга и письменность в традиционных представлениях удмуртов. In: Грязев, Г. Г. (сост.), Удмурты: тайна тамги. Удмуртия, Ижевск. 49–60.

- КЕЛЬМАКОВ, В. К. 2008: Очерки истории удмуртского литературного языка. Учебное пособие. Удмуртский государственный университет, Факультет удмуртской филологии, Кафедра общего и финно-угорского языкознания. Издательский дом «Удмуртский университет», Ижевск.
- КИТИКОВ, А. Е. 2006: Марий калык ойпого. Марий калык тушто-влак – Свод марийского фольклора. Марийские народные загадки. МарНИИЯЛИ, Йошкар-Ола.
- КРЮКОВА, Т. А. 1956: Материальная культура марийцев XIX века. Йошкар-Ола.
- МИЛЛЕР, Г. Ф. 1791: Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков... Санкт-Петербург.
- МРС 1991 = ВАСИЛЬЕВ, В. М. – САВАТКОВА, А. А. – УЧАЕВ, З. В.: Марийско–русский словарь. 2-е издание, с изменениями. Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола.
- НИКИТИН, В. В. 2009: Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола.
- НИКОЛЬСКИЙ, Н. В. 1920: История мари (черемис). Вып. 1. Первая государственная типография, Казань.
- ОЖЕГОВ, С. И. – ШВЕДОВА, Н. Ю. 2001: Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. Российская Академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. Азбуковник, Москва.
- ПЕТРОВ, А. А. 1893: Знамена – кидтыштö красноуфимских черемис. Памятная книжка Пермской губернии на 1894 г. Пермь. 38–40.
- ПОПОВ, П. В. 1947: Краткая история развития якутского письма (под ред. Л. Н. Харитонов). In: Харитонов Л. Н., Современный якутский язык. Ч. 1. Фонетика и морфология (под ред. Н. К. Дмитриева). Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории ЯАССР. Госиздат ЯАССР, Якутск. 279–306.
- РМС 1966 = ГАЛКИН, И. С. (гл. ред.): Русско–марийский словарь. Издательство «Советская энциклопедия», Москва.
- РМС 2019 = АБУКАЕВА, Л. А. – ГАВРИЛОВА, В. Г. – ИПАКОВА, М. Т. (ред.): Русско–марийский словарь [в 2-х томах]. Том II. П – Я. МарНИИЯЛИ, Йошкар-Ола.
- РУШ КАЛЫКОН КРЕСТАЛТМОЖЫМ ОЙЛЕМО. Крещене Руси, рассказ на луговомъ нарѣчїи Черемиссага языка. Типо-литографїя В. М. Ключникова, Казань, 1884.
- СГНМЯ 1981 = САВАТКОВА А. А.: Словарь горного наречия марийского языка. Марийское книжное издательство, Йошкар-Ола.
- СЕРГЕЕВ, О. А. 2020: О некоторых устаревших и устаревающих словах, связанных с традиционной религией мари. In: Кудрявцева, Р. А. (ред.), Проблемы марийской и сравнительной филологии. Сборник статей. Марийский государственный университет, Йошкар-Ола. 60–69.
- СЕРГЕЕВ, О. А. 2022: Язык «черемисского» текста Кугу кугужа! («Великий государь»). Folia Uralica Debreceniensia 29: 191–206.

- СМЯ 2002 = Галкин, И. С. (гл. ред.): Словарь марийского языка. Том VII. МарНИИ, Йошкар-Ола.
- СМЯ 2004 = Галкин, И. С. (гл. ред.): Словарь марийского языка. Т. IX. МарНИИЯЛИ, Йошкар-Ола.
- СМЯ 2019 = СИБАТРОВА, С. С. (гл. ред.): Словарь марийского языка. Дополнительный том. МарНИИЯЛИ, Йошкар-Ола.
- СОРОКИН П. М. 2018: О материнстве как основе рода, о родовых названиях и знаках собственности у вотяков. С изображением знаков собственности в тексте и отдельной таблицей. In: Грязев, Г. Г. (сост.), Удмурты: тайна тамги. Удмуртия, Ижевск. 30–48.
- Сочиненія 1775 = Сочиненія, принадлежащія къ грамматикѣ черемискаго языка. Въ Санкт-Петербургѣ при Императорской Академіи наукъ 1775 года.
- Тошто марий ой-влак 1972: Марийские легенды и предания. Составитель В. А. Аккорин. Книгам лукшо марий издательство, Йошкар-Ола.
- ТРОИЦКИЙ, В. П. 1894: Черемисско–русский словарь. Казань.
- ЎПЫМАРИЙ (В. М. Васильев) 1926: Марий мутэр. Тўрлő вэрэ илйшэ марийын мутшым танастарэн нэргэлымэ кнага. Кальык-влак рўдő савыктыш, Москва.
- ФЕОКТИСТОВ, А. П. 1971: Русско–мордовский словарь. Из истории отечественной лексикографии. Наука, Москва.
- ФЕОКТИСТОВ, А. П. 1976: Очерки по истории формирования мордовских письменнo-литературных языков (ранний период). Наука, Москва.
- ХАМИДУЛЛИНА, Б. Л. (сост., подбор иллюстраций, вступ. статьи, обработка текстов и комм.) 2004: Из глубины столетий. Татарское книжное издательство, Казань.
- Хрестоматия 2001 = Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. Чувашское книжное издательство, Чебоксары.
- ЧЕСНОВ, Я. В. 1990: Проглоченное знание и этнический облик. Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры: сб. науч. трудов. Наука, Ленинградское отделение, Ленинград. 169–180.
- ВЕКЕ, ÖDÖN 1997: Mari nyelvjárásí szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) I. Szombathely.
- WESSEL, K. 2003/2004: Leibniz und das Finnisch-Ugrische in seinem Briefwechsel. Teil I. Ural-Altäische Jahrbücher, Neue Folge 18: 67–102.
- <http://nasledie.nbchr.ru/personalii/issledovатели-jazyka/zolotnitskijj-nikolajj-ivanovich/>.
- http://semantic.uraic.ru/object/objectedit.aspx?object_id=7544&project=1.

Источники

Санкт-Петербургский филиал Архива Российской Академии наук:

Географические и исторические ведомости, собранные и присланные в Академию В. Н. Татищевым; Самара, Верхотурье, Пелым, Пара, Иркутск, дер. Батемыр-черемисы, р. Сысерт. Описание крепостей по р. Иртышу. Заметки о мутах (Охотск и Камчатка). Словари: вогульский, черемисский, чувашско-черемисско-мордовский, калмыцкий, грузино-персидско-турецкий, различные слова этих наречий в переводе на русский. Описание городов и географических местностей составлены геодезистами Меховым, Наруцовым, Ив. Порецким и др. Ф. 21, оп. 5, д. 149, фонд Миллера.

Марла оляш тунуктэмо сомул тюрлюо руш шомак-шамыч-гэ олок мари ойомэш возоктэн пыштэмо-шамыч дэно. Краткое руководство к изучению черемисского языка по обоим (луговому и горному) наречиям и Словарь. Составил преподаватель черемисского языка в Казанской семинарии Алексей Канцеровский. Казань, 1859. Р. III, оп. 1, д. 213.

Перевод, учиненной в Вятском наместническом правлении, черемисского разговора 286-ти слов, по неимению у них никаких букв написано российскими буквами. Ф. 94, оп. 2, д. 109, фонд Шёгрена.

Список русских слов с переводом на черемисский и вотский (Красноуфимский окр.) и пермякский (Чердынский окр.) за подписью Никиты Овчинникова. Ф. 94, оп. 2, д. 113, фонд Шёгрена.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Эрмитажное собрание):

Краткий черемисский словарь с российским переводом, собранный Кукарской слободы Троицкого собора протоиереем Василием Крекниным и Спасской церкви диаконом Иоанном Платуновым. 1785 года. Эрм. собр. № 197/1.

Словарь черемисского языка с российским переводом. Эрм. собр. № 218.

Словарь языка черемисского. Эрм. собр. № 216.

Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих, именно россиян, татар, чувашей, мордвы и черемис. По высочайшему соизволению и повелению ее императорского величества премудрой госыдарыни, Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы всероссийской. По алфавиту российских слов расположенный и в Нижегородской семинарии от знающих оные языки священников и семинаристов, под присмотром преосвященного Дамаскина епископа Нижегородского и Алаторского сочиненный 1785-го года. Эрм. собр. № 223.

Государственный архив Нижегородской области:

Словарь черемисского языка с российским переводом по алфавиту российскому расположенный. Ф. 2013, оп. 602-а, д. 186.

Архив Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской Академии наук:

Ерусланов П. Черемисско-русский словарь. Р. III, оп. 5, № 3.

Центральный государственный архив Кировской области:

Словник на разных языках. Ф. 583, оп. 2, д. 1287.

Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского

Казанского федерального университета:

Словарь черемисско-русский учителя духовного училища Земляницкого. № 1420.

Архив Финно-угорского общества:

Moljarov, I. Tšeremissica. Vocabularia. Folkloristica.

*

A mari nép betűírás előtti kommunikációja

A cikk a mari nép korai írásosságát vizsgálja, amely – más népekhez hasonlóan – az ún. tárgyírással kezdődött. Tárgyi jelként használhatták a tüzet (a füstöt), a kürtféle hangszereket, a nyilat és az íjat. Munkámban kiemelt figyelmet fordítok egy másik típusú írásos formára, a tamgára. A *tamga* szó jelentése 'jel, tulajdonjel, nemzeti jel; kézjegy, bélyeg'. A szó először egy 18. századi kéziratos nyelvemlékben szerepel. Mari tamgajeleket először a Nagy északi expedíció vezetője, a német G. F. Müller gyűjtött. Munkáját a 19. században Alekszej Petrov és Pjotr Jeruszlanov néptanítók folytatták. Petrov feljegyzéseiben a tamgán kívül a *tavra* is szerepel (*tavro* 'állat testére égetett jel, billog'). Számos legenda és hagyomány őrződött meg a mari betűírás előtti kommunikációról. Arról, hogy a marik jól ismerték az írást, a könyvet, az elmúlt évszázadok kéziratos és nyomtatott művei is tanúskodnak, melyekben számos lexikai elem található, amely az ismeretterjesztés és az oktatás lexikális-szemantikai mezejéhez kapcsolódnak.

Kulcsszavak: grafikai ábrázolás, mari szóbeliség, írásbeliség, kéziratos nyelvemlékek, tamgajelek, népművészet

OLEG SZERGEJEV

